

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НОВГОРОДА. 862–1136 гг. – КНЯЖЕСКИЙ ГОРОД РЮРИКОВИЧЕЙ

© 2023 г. В. А. Буров*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: burovvan@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.03.2023 г.

После доработки 01.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Археологические открытия последних десятилетий стали основой для создания новой концепции происхождения Новгорода. Впервые данная проблема рассмотрена через призму словено-скандинавских контактов и родового землевладения Рюриковичей. Автор полагает, что в 862 г. варяжский род, который был призван по договору-ряду на княжение союзом племен, получил от приильменских словен землю (волóстку) в верховье р. Волхов. Об этом свидетельствуют 12 топонимов X–XII вв. на территории Новгорода и его округи. Основа волóстки – речной остров между реками Волхов и Малый Волховец с прилегающими землями. Здесь, на княжеской земле Рюриковичей, в разное время (862 г., 940-е годы, 1044 г.) были возведены три княжеские крепости, открытые археологически. Все они именовались одинаково – “Новгород”, как и сама волóстка, позже округа города. До изгнания князя в 1132/1136 гг. город с округой в границах древней волóстки находился под управлением князя, т.е. был княжеским городом. Это было обусловлено еще тем, что с включением скандинавского рода Рюрика в родо-племенную структуру союза племен он был признан у словен главным, правящим. Новгородцы во главе с правящим князем Рюриком стали считать себя, согласно летописи, “от рода варяжска”. У словен наиболее ярко данное племенное самосознание со скандинавской окраской проявилось в высоких погребальных сопках и их массовом распространении. При этом этническая структура образованного в 862 г. древненовгородского государства, именуемого летописцами волостью Новгородской, оказалась полиэтничной, претендуя на славяно-финно-скандинавскую общность. Варяги не рассматривались как чуждый элемент в словенской среде. Поэтому скандинавские находки встречаются в нижних слоях новгородских усадеб X–XI вв. Они свидетельствуют о свободном проживании варягов на Волхове. То же было и в Пскове, где открыты скандинавские погребения. С временным изгнанием князя в 1132/1136 гг. волóстка Рюриковичей перестала существовать как единое целое. Она была урезана территориально расширившимися городскими общинами в лице кончанско-уличанских структур, а также всей городской общиной, заявившей на нее свои права. Но даже в позднее время значительные участки Новгорода и округи продолжали лоскутно оставаться за князем.

Ключевые слова: Новгород, Рюриково городище, Хольмгард, крепости, княжеское землевладение, княжеская топонимика, округа, княгиня Ольга, раскопки, уличанская община.

DOI: 10.31857/S086960632303008X, **EDN:** WYFYXS

Нескончаемый спор о том, кем и когда был основан Новгород, длится немало девять веков. Дискуссию начали летописцы, творчество которых противоречиво и неоднозначно (см. Гиппиус, 2007; Стефанович, 2012). Между тем многолетние раскопки Рюрикова городища в Новгороде, осуществленные под руководством Е.Н. Носова и Н.В. Хвоцинской, выявили остатки укреплений дубовой крепости конца IX в. и установили сам факт пребывания на поселении в IX–X вв. скандинавов, воинского контингента (Носов, 1990; Носов и др., 2012, 2017). О.А. Тарабарина установила, что порубочные даты деревьев, использованных при возведении крепости, укладываются в узкий хронологический интервал с 858 по 861 г. (см. Хвоцинская, 2021. С. 119). Тем самым они указывают

на достоверность известной летописной даты 862 г. как времени “призвания варягов” и основания первой крепости с названием “Новгород” – центра новой княжеской власти у истоков Волхова. Еще ранее исследователи пришли к убеждению, что верховная княжеская власть в Новгородской земле утвердилась как результат договора между местной межплеменной верхушкой и приглашенным скандинавским конунгом, в том числе с целью охраны северных земель от других варяжских отрядов (Рыбаков, 1982. С. 298, 299; Кирпичников, 1988. С. 51, 52; Янин, 2000. С. 681).

Для дальнейшей разработки темы и решения проблемы происхождения Новгорода необходим совершенно новый подход – увязка призвания Рюрика с великокняжеским родовым землевла-

дением. В представлении летописца каждый славянский род в обязательном порядке проживал на определенной территории, владел этой землей. Род и земля — нераздельные понятия: “Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ местехъ и странахъ, владеюща кождо родомъ своимъ” (Новгородская летопись..., 1950. С. 104). На примере сообщения о “граде” Киеве становится очевидным, что рядом с родовыми славянскими поселениями, основанными в лесной зоне, располагались необходимые разнообразные лесные угодья: “И бяше около ихъ лесъ и боръ великъ, и бяху ловища зверие” (Новгородская летопись..., 1950. С. 105; Повесть..., 1950. С. 13). В таком случае и призванный на великое княжение варяжский род Рюрика в 862 г. должен был получить землю в родовое владение не только под крепость — место его поселения, но и на прилегающие территории с лесами, ловищами, местами хозяйствования, на которые стали распространяться его права и которые получали особый статус.

На основании летописных сообщений вплоть до начала XII в. фиксируется 12 свидетельств, 12 пунктов изначального княжеского родового земельного владения Рюриковичей в верховьях Волхова, на территории будущего города Новгорода и его округи. Для данной темы топонимия выступает как главный исторический источник.

1. Городище (Рюриково) — место первоначального поселения призванного князя, его крепость 862 г.

2. Гора Нередица рядом с Рюриковым городищем. В 1198 г. Ярослав Владимирович построил здесь церковь во имя Спаса.

3. Перынь у самого истока Волхова из оз. Ильмень на левобережье. Здесь находилось святилище, устроенное в 980 г. воеводой князя Владимира Добрыней.

4. Юрьев княжеский монастырь, в котором в 1119 г. князь Всеволод заложил церковь Георгия. В 1130 г. она была освящена, а затем устроен княжеский монастырь.

5. Княжеское село Ракомо под Юрьевом в 8 км от Новгорода. В нем в 1015 г. пребывал Ярослав Владимирович, когда его застало известие о смерти отца, киевского князя.

6. Крепость на левом берегу Волхова (1044 г.) и место возведения в 1045–1050 гг. каменного Софийского собора Владимиром Ярославичем.

7. Местечко Зверинец (или “ловища зверие”) на левом берегу Волхова неподалеку от впадения в него р. Гзень. Это заповедный лес, где охотились новгородские князья. Первое упоминание под 1069 г.

8. Княжеский двор на правом берегу Волхова напротив Детинца, основан Ярославом Мудрым в

начале XI в. Позже “Ярославово дворище” — место Торга и веча.

9. Поромонов двор неподалеку от Княжеского двора. В 1015 г. там жили варяжские наемники, приглашенные Ярославом.

10. Петрятино дворище рядом с Торгом. На нем в 1127–1130 гг. князь Всеволод Мстиславич поставил церковь Ивана на Опоках для купцов-вошаников. Я полагаю, что Петр, ранее здесь проживавший, мог быть княжеским зодчим, который строил Никольский храм на близлежащем княжеском дворе в 1113–1136 гг. Ему приписывается авторство еще двух княжеских храмов — Георгиевского собора 1119–1130 гг. Юрьева монастыря и Благовещенской церкви 1103 г. на Городище. Ко времени строительства Ивана на Опоках в 1127 г. Петр в Новгороде явно уже не жил, отчего его двор пришел в запустение. Ранее князь мог предоставить зодчему двор только на своей земле. Позже он ею и распорядился по своему усмотрению.

11. Городские территории, на которых проживали не коренные новгородцы, а пришлые люди, входившие в так называемое княжеское сто и управлявшиеся княжеским сотским (Алешковский, 1974). Сюда причисляется Загородье, впоследствии Загородский конец. К этому следует прибавить и территорию будущего Плотницкого конца, где была возведена Борисо-Глебская церковь, связанная с княжеским культом.

12. Великий мост и участки мостовых, за организацию строительства и мощения которых отвечал непосредственно князь, что было закреплено “Уставом Ярослава о мостех” (Янин, 1977. С. 91–122. Рис. на с. 105).

Перечисленные территории только на первый взгляд смотрятся как локальные участки в округе Новгорода и внутри него самого. Но с учетом того, что крепость на Городище, Нередица, Перынь, Юрьев, Ракомо (пункты 1–5) образуют у истока Волхова единый земельный массив, явно восходящий к глубокой древности, напрашивается вывод, что и прочие перечисленные княжеские территории (пункты 6–12) — вовсе не случайные вкрапления в позднюю городскую ткань, а остатки единого бывшего обширного земельного владения, предоставленного варяжскому роду Рюрика в связи с приглашением его на княжение в 862 г. Ситуация соответствовала оседанию рода на землю.

Жалование земель за службу — норма времени в Западной Европе. В 911 г. Карл Простоватый заключил договор с Роллоном (Хрольвом), вождем отряда викингов, обосновавшихся в нижнем течении Сены. Роллону были даны земли в долине Сены “за защиту государства” (Мельникова, 2011. С. 41). Представляется, что подобное произошло и в 862 г. по договору-ряду с Рюриком. Обязательность получения земли родом Рюрика не должна

вызывать сомнения, поскольку родовая земельная собственность – также неотъемлемая черта жизни Скандинавии того времени, социальная реальность (Лебедев, 2005. С. 166).

По своим размерам данное родовое княжеское владение Рюрика сопоставимо со средневековой волосткой. По-видимому, она с 862 г. занимала верховье Волхова, территорию между Волховом и Малым Волховцом; первоначальное русло которого у Нередицкого холма в позднее время заменила речка Спасовка. Это был речной остров с прилегающими берегами от урочищ Ракомо и Нередицы до Хутины и немного далее протяженностью до 30 км при ширине около 15 (450 км²) (рис. 1). Данная территория в конце I тыс. была обжита (Носов, 1991. С. 31. Рис. 1). Ее центром стала крепость (ныне Рюриково городище), которая получила название “Новгород”: “И седе стареишии в Новегороде, бе имя ему Рюрик” (Новгородская летопись..., 1950. С. 106). Вполне закономерно скандинавы, огибавшие на кораблях остров, стали называть новую крепость по-своему – Хольмгард (Hólmgarðr), город на острове. Т.Н. Джаксон и А.А. Молчанов соотнесли данный скандинавский топоним с укрепленным поселением на месте Рюрикова городища. Но и в XIII в. это название в древнескандинавских сагах продолжало применяться к Новгороду на Волхове (Джаксон, Молчанов, 1990. С. 237; Джаксон, 2015).

Свершившееся оседание варяжского рода на землю, ранее принадлежавшую приильменским словенам, означало, что скандинавский род Рюрика был включен в общую родоплеменную структуру словен. Он стал ее составной и неотъемлемой частью. Во всей словенской иерархии скандинавский род был признан главным, высшим, правящим, княжеским, которому отводилась роль защиты общей территории, верховенство в производстве суда и сбора дани во всем союзе племен. Иными словами, род Рюрика был утвержден как великий. В договоре 945 г. Руси с Греками Игорь назван именно “великим князем руским” (Повесть..., 1950. С. 35). Из сказанного получает объяснение фраза летописи о том, что “новгородьци, ти суть людье нугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени” (Повесть..., 1950. С. 18).

У словен наиболее ярко данное племенное самосознание со скандинавской окраской проявилось в их погребальных сопках, в основе которых, как многие считают, положен скандинавский принцип создания высоких насыпей. Сопки возникли еще во второй половине VIII в. Но именно с момента призвания Рюрика на княжение в 862 г., надо полагать, у ильменских словен началось их массовое распространение, придя на смену грунтовым кремациям. Это объясняет их в основном позднюю датировку.

Этническая структура образованного в 862 г. древненовгородского государства, именуемого летописцами “волостью Новгородской”, оказалась полиэтничной, претендуя на славяно-финно-скандинавскую общность, единство. Новгород объединил разноэтнические племена, включая словен, кривичей, весь, меря, мурома. Все они входили в состав единого новгородского войска под главенством Олега в походе на Смоленск и Киев (Повесть..., 1950. С. 18, 20). На усадьбах Новгорода находят многочисленные прибалтийско-финские украшения (Покровская, 1992). Варяги также не рассматривались как чуждый элемент в самом Новгороде и Пскове даже в более позднее время. Не случайно скандинавские находки, включая рунические надписи, известны в нижних слоях новгородских усадеб X–XI вв. (Рыбина, Хвошинская, 2010; Мусин, Тарабардина, 2019; Конецкий, 2022. С. 292–303). Это явное свидетельство свободного проживания на Волхове варягов. Осталось только найти их погребения на территории города, как в Пскове, где у скандинавов в X–начале XI в. существовало свое местное кладбище, выявленное археологически (Лабутина и др., 2009; Яковлева и др., 2012; Древнерусский некрополь..., 2016).

Принцип изначальной полиэтничности Новгородской волости, включавшей славян, финнов и скандинавов, был положен позже на государственном уровне в основу Киевской Руси, из которой столетия спустя, при расширении территории выросла полиэтничная Россия. Полиэтничность – генетический код культуры нашей страны.

По археологическим свидетельствам в конце IX в. дубовые стены Новгорода (Хольмгарда) на Рюриковом городище стали проседать и заваливаться, а на рубеже IX–X вв. ров потерял фортификационное значение, в нем разместились строения. Первоначальная крепость Новгород утратила оборонительные функции (Хвошинская, 2021. С. 111–119).

Недавние раскопки установили, что в 2 км к северу от городища, на левобережье Волхова, южнее каменной Софии на месте материкового холма была возведена вторая по счету дубовая крепость площадью 2 га. Остатки ее вала и “древо-земляной стены” выявил О.М. Олейников на месте поздней Пречистенской башни Детинца. Фрагмент дубового столба датирован по радиоуглеродному анализу 951±27 и 918±41 гг. Строительство отнесено исследователем к правлению Святослава Игоревича (945–972 гг.) (Олейников, Долгих, 2017; Олейников, 2020). С такой датировкой необходимо согласиться, поскольку усредненная дата приходится на 924–959 гг. Не следует также забывать, что в 946/947 гг. княгиня-реформатор Ольга устала в Новгородской земле погосты на Мсте и Луге, и она не могла не видеть, в каком удручающем

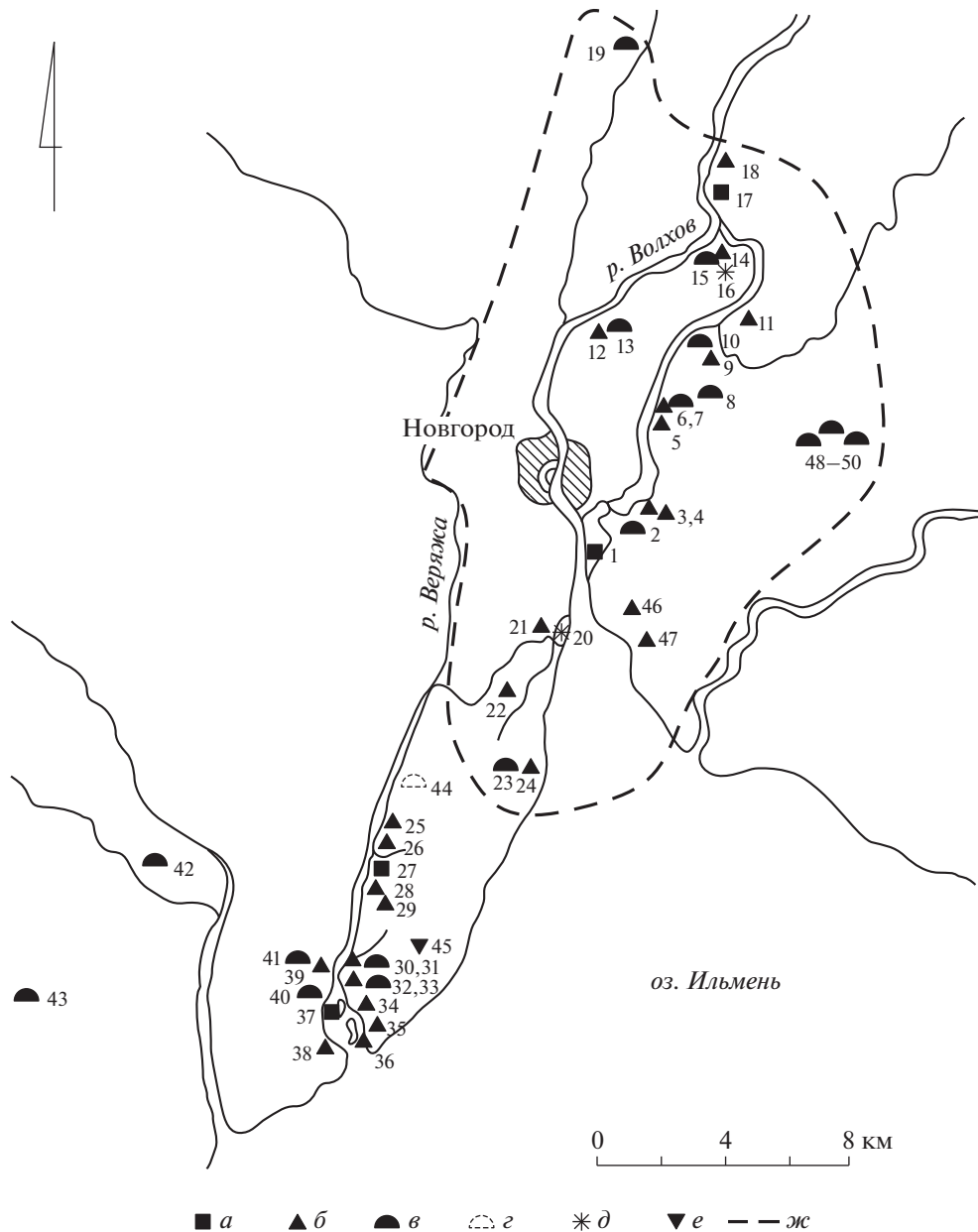

Рис. 1. Примерные границы волóстки Рюрика в верхье Волхова. Подоснова – карта археологических памятников ильменского Поозерья и истоков Волхова конца I тыс. н.э. (по: Носов, 1991. С. 31. Рис. 1). 1 – Рюриково городище; 2 – Нередица; 3, 4 – Ситка I, II; 5 – Слутка I; 6, 7 – Волотово; 8 – Ушерска; 9, 10 – Родионово; 11 – Мыза Сперанского; 12, 13 – Деревянные; 14–16 – Хутынь; 17 – Холопий городок; 18 – Слутка II; 19 – Водское; 20 – Перынь; 21 – Прость; 22 – Ракомо; 23, 24 – Береговые Морины; 25–27 – Георгий; 28, 29 – Васильевское; 30, 31 – Любоежа; 32, 33 – Горошково; 34 – Заболотье; 35, 36 – Еруново; 37, 38 – Сергово; 39–41 – Завал; 42 – Окатово; 43 – Базловка; 44 – Мосевичи; 45 – Гвоздец; 46, 47 – Шиловка; 48–50 – Мшашка. Условные обозначения: *a* – городище; *b* – селище; *v* – сопки; *g* – предполагаемые места расположения сопки; *d* – языческие святилища; *e* – культовый камень; *ж* – границы волóстки Рюрика.

Fig. 1. Approximate borders of the Rurik *volost* in the upper Volkhov region. The base is a map of the archaeological sites of the Ilmen Lake district and the sources of the Volkhov river of the late 1st millennium AD (after Nosov, 1991. P. 31. Fig. 1)

состоянии пребывали укрепления крепости Рюрика – центра судопроизводства и сбора дани. Без сомнения, именно княгиня Ольга была инициатором создания новой фортификации взамен устаревшей, что стало составной частью осуществляемой ею административной реформы

Новгородской волости. Надо полагать, что Ольга прибыла на север с юным Святославом, видимо, надеясь надежно укрыть его из-за беспокойной обстановки в Киеве после древлянского восстания. В таком случае нет ничего удивительного, что Константин Багрянородный в сочинении

“Об управлении империей”, написанном в 948–952 гг., сообщал о крепости Немогарда, в которой сидел Святослав, сын архонта русов Игоря, и откуда в Киев снаряжались моносилы (Константин Багрянородный, 1991. С. 44, 45).

Выявление второй по счету крепости Новгород 940-х годов не позволяет согласиться с новой концепцией А.Е. Мусина об этапах формирования города в X–XI вв. (Мусин, 2020). К этому следует добавить, что, как показали подводные исследования выявленных остатков Великого моста, он был поставлен все же во второй четверти X в. (Степанов, 2017; Степанов А., Степанов М., 2020), т.е. практически одновременно с новой крепостью, а главное – напротив нее. Первый мост через Волхов не просто соединил оба берега реки, а проложил дорогу от новой крепости Ольги/Святослава к Рюриковому городищу.

С 862 г. название Новгород по главному поселению волóстки, как это и было принято, должно было закрепиться за всей территорией княжеской волóстки-домена Рюрика в верховье Волхова. Поэтому и второй по счету Новгород 940-х годов после упразднения первой крепости воспроизвел прежнее наименование. Городище, Перынь, Зверинец и прочее – все едино в пределах волóстки, это все Новгород. В более позднее время границы округа “республиканского” Новгорода унаследовали границы изначальной родовой княжеской волóстки, пройдя по ним точь-в-точь. Понятие “Новгород” относилось теперь ко всей округе, включая Хутын более позднего времени. Отсюда неизбежен наш главный вывод: вторая по счету крепость Новгород 940-х годов была поставлена на княжеской земле, и до ее основания никакие три гипотетичные разноэтничные поселения IX в., слившиеся в город (Янин, Алешковский, 1971), здесь просто не могли существовать. Одним из первых, кто критически воспринял указанную гипотезу, был А.В. Куза (1975. С. 171, 172), затем Г.М. Штендер (1980. С. 6).

На территории современного Новгорода древнейшие слои первой половины–конца X в. образуют два пятна на Торговой и Софийской сторонах; они вытянуты вдоль обоих берегов Волхова (Петров, Тарабардина, 2017). Но в доярусных слоях здесь прослежена первая скромная дворовая застройка с невзрачными строениями и примитивной плетневой оградой. На Неревском раскопе зафиксирован деревенский характер застройки; это явно деревня (Алешковский, 1974. С. 101). Такая же картина отмечена и на Троицком раскопе. На двух берегах Волхова на материке отмечены также следы распашки – свидетельства присутствия в этих местах более ранних сельскохозяйственных угодий. Самые первые дворы были остатками обычных сельских поселений. Это уникальные археологические селища с мокрым

слоем, но отнюдь не следы поселков якобы местной элиты, упоминаемых в литературе.

В ходе масштабных раскопок последних десятилетий установлено, что городская застройка с ярусами городских мостовых впервые появилась в 930-е годы, т.е. городское поселение стало формироваться не при Рюриковом городище, а на удалении от него, на новом, очевидно, более удобном месте. И именно в ее центр уже во время княгини Ольги и ее сына Святослава и была перенесена новая крепость. Она разместилась на природном холме к северу от глубокого оврага (рис. 2).

Вокруг новой княжеской крепости Новгород на княжеской земле с середины X в. стал бурно формироваться город. По обоим берегам р. Волхов в трех местах, обусловленных самой топографией местности, постепенно оседало торгово-ремесленное и сельское население. Княжеский центр был заинтересован в его продуктах производства, как и в присутствии рядом торговых дворов иноземных купцов.

Надо полагать, вся городская застройка и благоустройство на княжеской городской земле изначально регламентировались княжеской администрацией. Как свидетельствует поздний вариант “Устава о мостех” XIII в., разверстку мостовой повинности в центре города, включая строительство Великого моста, маршрут доставки строительного леса уставлял именно князь (Янин, 1977. С. 91–122. Рис. на с. 105).

К XI в. в Новгороде сформировались три поселка-конца (Славенский, Неревский, Людин), основу которых составляло в основном местное население, пользовавшееся привилегией самоуправления со своими выборными лицами. Застройке был придан уличный характер. К мостовым улиц с двух сторон подступали дворы. По их тыльным сторонам проходил постоянный частокол, разграничивавший территории уличанских территориальных самоуправляющихся соседских общин. Уличанская система – рациональная организация внутреннего самоуправления городских кварталов русских и даже азиатских городов (Буров, 1994. С. 16–50). Вне концов проживало пришлое торгово-ремесленное население, находившееся под юрисдикцией князя и входившее в “княжеское сто”. На левобережье к княжеской сотне относилось Загородье, на правом берегу Волхова – территория будущего Плотницкого конца (Алешковский, 1974; Буров, 1987; 1994. С. 83–96).

Новый княжеский град несколько запоздало стал центром притяжения местной родоплеменной знати – старейшин княжеских родов, в будущем прозванных боярами, привлекавшихся к сбору дани. В.Л. Янин обратил внимание на находки деревянных цилиндров XI–XII вв. – своеобразных замков, которыми запечатывали мешки с мехом, и доказал, что сбор дани в пользу князя

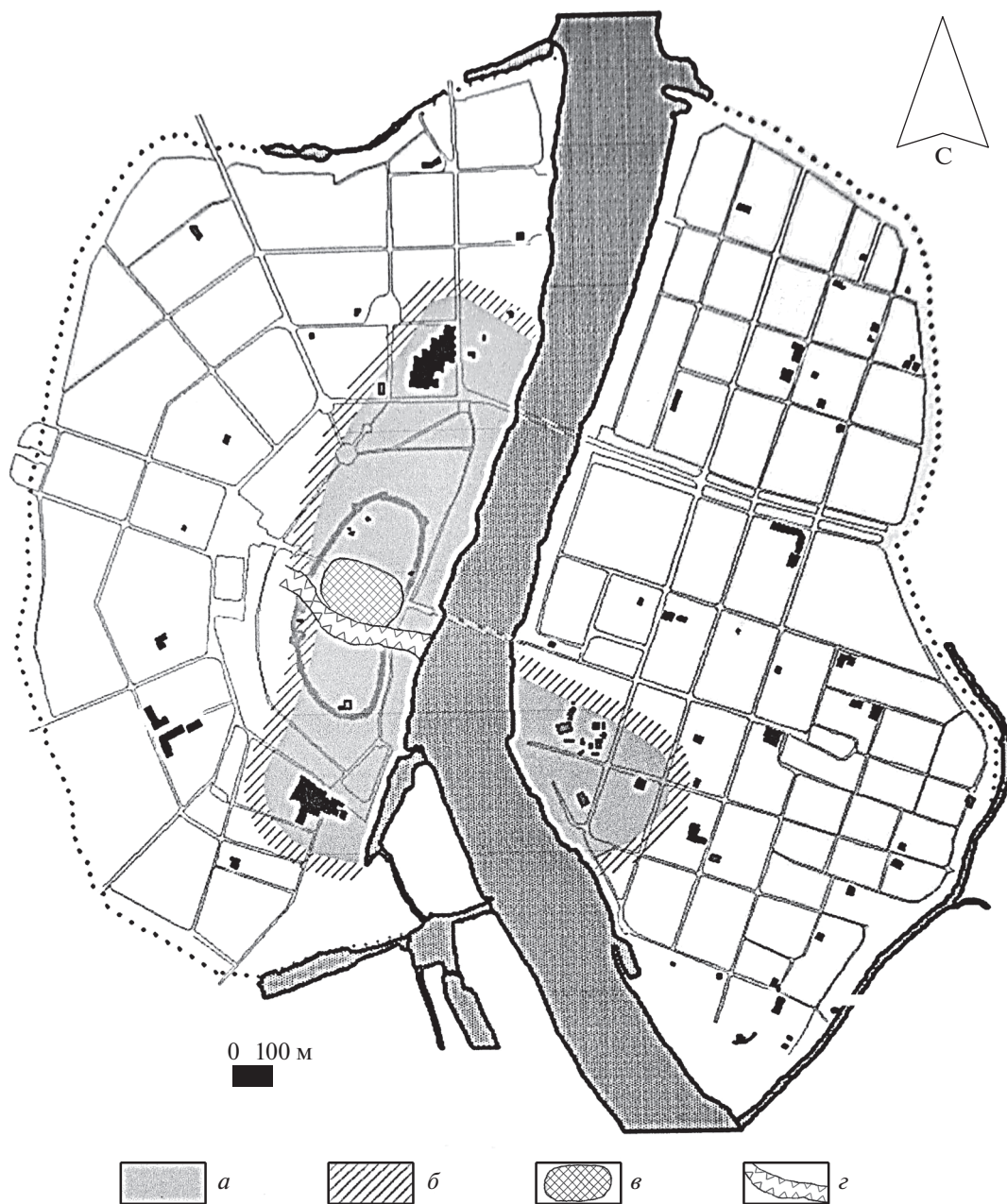

Рис. 2. Зона распространения застройки Новгорода в X в. (по: Петров, Тарабардина, 2017) и местоположение крепости 940-х годов (по: Олейников, 2017). Совмещенный план с дополнением существовавшего глубокого оврага к югу от крепости. Условные обозначения: *a* – застройка; *б* – застройка предположительная; *в* – крепость; *г* – овраг.

Fig. 2. The development area of Novgorod in the 10th century AD (after Petrov, Tarabardina, 2017) and the location of the fortress in the 940s (after Oleinikov, 2017). Combined plan additionally showing a deep ravine that existed south to the fortress

осуществляло местное боярство, получавшее за это часть дохода (Янин, 2000. С. 677–681). При этом родственники-бояре стремились поселиться поближе друг к другу – либо на одной улице, либо на соседних улицах, чтобы занять руководящее положение в уличанских администрациях, а через них – и в управлении концов. Отсутствуют реальные свидетельства (только гипотеза), что эти родственные связи и отношения

сказывались на характере боярского землевладения в концах. Близкое размещение боярских усадеб, как, например, Мишиничей-Онцифоровичей в Неревском конце (Янин, 1965), еще не дает оснований говорить, что боярские семьи владели целыми районами в концах, образуя территориальные патронимии, о которых неоднократно писал В.Л. Янин (1977. С. 150–181; 1981. С. 7–57).

Дело в том, что соприкасавшиеся усадьбы соседних улиц размежевывались постоянными межуличными частокколами, свидетельствующими о незыблемости уличанского землевладения. Как исключение ситуация могла нарушаться, когда сосед внезапно расширял свою усадьбу за счет части двора соседней улицы, но ненадолго. В связи с этим мы полагаем, что боярских патронимий, занимавших обширные городские участки, в Новгороде не было. Безусловно, в концах существовали боярские кланы, группировки, соперничавшие друг с другом за выборные должности как внутри концов, так и между концами, что во многом определяло новгородскую внутривнутриполитическую жизнь. Еще 30 лет назад отмечалось, что уличанская организация и боярская патронимия – “две вещи не совместные” (Буров, 1994. С. 4).

Кроме того, археологически установлено, что площадь дворовых усадеб в Новгороде была регламентирована в соответствии с социальным статусом хозяина. У бояр зафиксированы большие дворы размером около 1500 м², у богатых горожан (торговцев, житых) двор был меньше, площадью до 650–850 м², у простых горожан – около 150–400 м².

В начале XI в. как следствие событий 1015–1019 гг., связанных с борьбой новгородского князя Ярослава за киевский стол с помощью новгородцев, дарованию им “Правды” и “Устава”, состоялось основание новой княжеской резиденции на Торговой стороне – Ярославовом дворе. Однако это был не переезд из Городища, как считает Е.Н. Носов, а перенос княжеского двора из левобережной крепости. Это действительно крупный политический акт государственного значения. Княжий двор был местом нахождения князя, местом осуществления им судебных и административных функций, центром поступления и затем перераспределения государственных налогов, взимания судебных штрафов (Носов и др., 2012. С. 95).

Вместе с тем в указанных событиях можно увидеть и практическую составляющую. Дело в том, что деревянная крепость на левом берегу Волхова через три четверти века должна была прийти в негодность, подобно первой фортификации на Городище за такой же промежуток времени. Создается впечатление, что Ярослав воспользовался сложившимися новыми политическими условиями и вместо возведения новых трудоемких и затратных укреплений предпочел перенести княжеский двор на территорию города. К тому же средств на строительство новой крепости у него просто не было. Как уже отмечалось, с 1016 г. Новгород на 20 лет был освобожден Ярославом от уплаты дани. И только в 1035 г. он прислал из Киева грамоту: “а по сеи грамоте дадите дань” (Буров, 1994. С. 6–13).

В 1044 г. князем Владимиром, сыном Ярослава, была поставлена третья по счету крепость с прежним названием: “Володимиръ заложи Новъгород и сдѣла его” (Новгородская летопись..., 1950. С. 181). Она охватила прежнюю территорию укреплений времени Ольги/Святослава (Олейников, Долгих, 2017. Рис. 3) и значительно продвинулась в северную сторону за счет городской застройки. Остатки дубовых городней 40-х годов XI в. неоднократно выявлялись археологами, тем самым были установлены контуры новой фортификации (Трояновский, 1998). Таким образом, название “Новгород”, как и прежде, относилось исключительно к княжеской крепости. Внутри нее взамен деревянной Софии в 1045–1052 гг. князем был воздвигнут величественный каменный собор. Данный акт существенно повысил авторитет и роль владыки в жизни Новгорода. Владычный двор превращался во второй центр города, сначала, прежде всего, в духовный, позже – в административный.

Как отмечает Повесть временных лет, Олег, уходя на юг, устал новгородцам платить дань в 300 гривен, “мира деля, еже до смерти Ярославле дающе варягомъ” (Повесть..., 1950. С. 20), т.е. киевским князьям Рюриковичам норманского происхождения. С распадом Руси дань с 1054 г. стала оставаться в самом Новгороде. Массовые находки этого времени деревянных цилиндров-замков к мешкам с мехами свидетельствуют о прежнем активном участии бояр в сборе дани для князя. Возраставшие от десятилетия к десятилетию экономическая мощь и политическое влияние новгородского боярства привели к событиям 1132/1136 гг., реанимированию идеи призвания князя. Новгородцы, псковичи и ладожане изгнали князя Всеволода Мстиславича и провозгласили право на вече самим выбирать князя не только киевской династии, ближайших потомков Рюрика. Одна из причин – Всеволод нарушил древний ряд-договор сидеть в Новгороде, как Рюрик, и попытался перенести новгородский княжеский стол в Переяславль (Новгородская летопись..., 1950. С. 22–24).

В это время было ограничено и княжеское землевладение на территории самого Новгорода, т.е. всей первоначальной волости Рюрика. Поэтому в 1134 г. брат Всеволода Изяслав Мстиславич “испрошал есмь у Новагорода” землю под монастырь в Витославицах. В.Л. Янин сопоставил жалованные грамоты Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю и Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и пришел к выводу, что в 1134 г. “рядом с фондом земель, находившихся под бесспорной юрисдикцией князя, существовал фонд независимых от князя земель, юрисдикцию над которыми осуществлял Новгород путем вечевого решения. К таким землям относились участки, тянущие к епископу, в “город-

ские потуги” и к свободным смердам” (Янин, 1977. С. 78). Объяснение исследователь видит в том, что в это время княжеская власть существовала уже с возникшими органами боярского республиканского правления, и отмечает, что вопрос об эволюции в Новгороде права распоряжаться земельной собственностью в действительности более сложен, чем принято считать (Янин, 1977. С. 60–79).

Действительно вопрос о княжеской земельной собственности более сложный. Совершенно очевидно, что с 1132/1134 гг. восходившая к границам 862 г. волостка Рюриковичей перестала существовать как единое целое. Она была урезана территориально расширившимися городскими общинами в лице кончанско-уличанских структур, а также всей городской общиной, заявившей на нее свои права. Но даже в позднее время значительные участки округа Новгорода продолжали доскутно оставаться за князем. В XIII в. в самой Новгородской земле князь полностью лишился своего землевладения. В сохранившейся договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г. четко оговаривалось: “А волости ти, княже, новгородьскихъ своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскими; а даръ от техъ волости имати <...> ни сѣль ти держати по Новгородской волости, ни твоей княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ” (Грамоты..., 1949. С. 9. № 1).

В результате событий 1132/1136 гг., временного изгнания князя, оформилась новая политическая система, которую в литературе принято устойчиво называть “республикой”. Княжий двор показательно был превращен в место вечевых сходов новгородцев, на которых в соответствии с древними обычаями призывали князя, а также выбирали посадника, затем тысяцкого. Здесь же разместился Торг. Теперь вече должно было заключать отдельные договора с каждым новым приглашенным князем.

С 1136 г. политическое устройство Новгорода с избираемыми князем и посадником все больше и больше стало насыщаться сакральным содержанием, трансформируясь в государство Святой Софии Премудрости Божией — государство христианского братства — с дуальным правлением. При высшем небесном правителе, Софии, земную власть от Бога в Новгороде стали представлять два земных избираемых новгородцами правителя: князь и владыка. Им соответствовали два стола в Софийском соборе, два двора и при них соответственно два веча — на княжеском и владычнем дворах, две главные администрации — посадника при князе и тысяцкого при главе церкви. Основная борьба за главенство Великим Новгородом развернулась теперь между владыкой и князем. В итоге к XIV столетию победу одержал

новгородский архиепископ при поддержке всей новгородской элиты. На момент падения Новгорода в 1478 г. итогом развития этой формы государства стал возглавляемый владыкой могущественный олигархический Совет господ и при нем вече, утверждающее решения совета, опять-таки под главенством владыки. Без благословения владыки ни одно решение не имело силы (Бузов, 2007).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский М.Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков // Советская археология. 1974. № 3. С. 100–111.
- Бузов В.А.* О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде // Советская археология. 1987. № 1. С. 91–102.
- Бузов В.А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. 250 с.
- Бузов В.А.* Сакральные основы государственного устройства Новгорода XII–XV вв. // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 2. Тверь, 2007. С. 380–390.
- Гиппиус А.А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: к 30-летию археолог. изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской обл. археолог. экспедиции: ист.-археолог. сб.: материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213–220.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 410 с.
- Джаксон Т.Н.* “Страна городов” и ее столица Новгород в картине мира средневековых скандинавов [Электронный ресурс] // Slověne. 2015. № 1. С. 170–179. URL: http://www.slovene.ru/2015_1_1_Jackson.pdf (дата обращения: 14.05.2023).
- Джаксон Т.Н., Молчанов А.А.* Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути “из варяг в греки” // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л.: Наука, 1990. С. 226–238.
- Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: в 2 т. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2016. 624 с.
- Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы / Ред. И.В. Дубов. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1988 (Славяно-русские древности; вып. I). С. 38–79.
- Концевий В.Я.* Русь Новгородская: первые века. СПб.: Крига, 2022. 400 с.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 144–201.
- Лабутина И.К., Малышева Н.Н., Закурина Т.Ю., Яковлева Е.А., Михайлов А.В.* Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия 1991–2004 гг.

- Европейская Россия / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 386–407.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 476 с.
- Мусин А.Е. Рюриково городище, Ярославово дворище и Великий Новгород // Археологические вести. 2020. Вып. 8. С. 45–75.
- Мусин А.Е., Тарабардина О.А. Скандинавы среди переселенцев Новгорода по данным археологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 762–785.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Носов Е.Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 5–37.
- Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. Рюриково городище: новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Медведева М.В. Новгородская Русь: Рождение державы: Свидетельства из глубины столетий. СПб.: Лик, 2012. 224 с.
- Олейников О.М. Реконструкция оборонительных сооружений Новгорода X–XII вв. на основе археологических исследований // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь, 2020. С. 22–34.
- Олейников О.М., Долгих А.В. Новые данные по датированию оборонительных укреплений у Пречистенской башни Новгородского детинца // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 176–181.
- Петров М.И., Тарабардина О.А. Моделирование территории Новгорода X–XIV вв. средствами ГИС [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2017. DVD.
- Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с.
- Покровская Л.В. Прибалтийско-финские украшения древнего Новгорода (X–XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. докл. науч.-практ. конф. Новгород, 1992. С. 57–60.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рыбина Е.А., Хвоцинская Н.В. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.
- Степанов А.В. Великий мост – памятник подводного археологического наследия // Охраняется государством. 2017. № 5. С. 69–70.
- Степанов А.В., Степанов М.А. Открытие древнейшего Волховского моста // Археологические открытия. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 50–54.
- Стефанович П.С. “Сказание о призвании варягов” или *Origo gentis russorum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2010 г. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 513–582.
- Трояновский С.В. О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская Земля: История и археология: материалы науч. конф. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 58–70.
- Хвоцинская Н.В. Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. Вып. 33. С. 107–120.
- Штендер Г.М. Вступительная статья // Каргер М.К. Новгород. Л.: Искусство, 1980.
- Яковлева Е.А., Салмина Е.В., Королёва Э.В. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 138–160.
- Янин В.Л. Заметки о новгородских берестяных грамотах // Советская археология. 1965. № 4. С. 104–123.
- Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977. 240 с.
- Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.
- Янин В.Л. У истоков новгородской государственности // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 8. С. 675–681.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

ON THE ORIGIN OF NOVGOROD. 862–1136 – PRINCELY TOWN OF RURIKIDS

Vladimir A. Burov^{a, #}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: burovvan@rambler.ru

Archaeological discoveries of recent decades have formed the basis for the development of a new concept of Novgorod origin. This study is the first to consider the problem through the prism of contacts between the Slovenes and Scandinavians and to associate it with the patrimonial land ownership of the Rurikids. In 862, this Varangian clan was summoned under an agreement to reign in the union of tribes and received a land area

(*volost*) from the Ilmen Slovenes in the upper reaches of the Volkhov River. This is evidenced with 12 toponyms of the 10th–12th centuries AD on the territory of Novgorod and its vicinity. The core of the *volost* is a river island between the Volkhov and Volkhovets rivers with adjacent lands. On this land of the Rurikids, the princely fortresses found by archaeologists were erected at different times (862, 940s, and 1044). All of them were named identically – Novgorod, as well as the *volost* itself. Novgorod with its vicinities within the boundaries of the ancient *volost* was ruled by the prince as a princely town. This was due to the fact that the inclusion of the Scandinavian Rurik's clan in the tribal structure of the tribal union resulted in recognition of the clan by the Slovenes as the dominant and ruling one. Led by the ruling prince Rurik, Novgorodians began to consider themselves as originating from the Varangian family. In case of the Ilmen Slovenes this tribal identity manifested itself most clearly in high burial mounds which became very common. At the same time, the ethnic structure of the early city-state, formed in 862, which was called the Novgorod *volost* according to chroniclers, turned out to be multiple, claiming the Slavic-Finno-Scandinavian unity. The Varangians were not seen as an alien element in the Slovenian environment. Therefore, Scandinavian finds are common in the lower layers of Novgorod estates of the 10th–11th centuries AD. They testify to the free residence of the Varangians in the Volkhov region. The same is true for Pskov, where Scandinavian burials were found. The Rurikid *volost* ceased to exist as a single whole in 1132/1136 with the expulsion of the prince. Expanding urban communities (in terms of streets and town districts) began to claim its lands and shrink its territory. But even at a later time, certain fragmented areas of the Novgorod vicinity still belonged to the prince.

Key words: Novgorod, Rurik's fortified settlement, Holmgård, fortresses, princely land ownership, princely toponymy, districts, princess Olga, excavations, street community.

REFERENCES

- Aleshkovskiy M.Kh., 1974. Social foundations for the formation of the Novgorod territory in the 9th–15th centuries AD. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 3, pp. 100–111. (In Russ.)
- Burov V.A., 1987. Where the “Knyazhaya sotnya” was located in old Novgorod. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 91–102. (In Russ.)
- Burov V.A., 1994. Ocherki istorii i arkheologii srednevekovogo Novgoroda [Studies on the history and archaeology of medieval Novgorod]. Moscow. 250 p.
- Burov V.A., 2007. Sacral foundations of the state structure of Novgorod in the 12th–15th centuries AD. *Tverskoy arkheologicheskij sbornik [Tver collected papers on archaeology]*, iss. 6, vol. 2. Tver', pp. 380–390. (In Russ.)
- Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI veka [Old Rus necropolis of Pskov of the 10th – early 11th century AD], II. Kamernye pogrebeniya drevnego Pskova (po materialam arkheologicheskikh raskopok 2003–2009 gg. u Starovoznesenskogo monastyrya) [Chamber burials of medieval Pskov (based on archaeological excavations in 2003–2009 near the Starovoznesensky Monastery)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 624 p.
- Dzhakson T.N., Molchanov A.A., 1990. Old Norse name of Novgorod in the toponymy of the route “from the Varangians to the Greeks”. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny [Auxiliary sciences of history]*, 21. Leningrad: Nauka, pp. 226–238. (In Russ.)
- Dzhakson T.N., 2015. The “Country of towns” and its capital Novgorod in the worldview of medieval Scandinavians (Electronic resource). *Slověne*, 1, pp. 170–179. URL: http://www.slovene.ru/2015_1_Jackson.pdf. (In Russ.)
- Gippius A.A., 2007. Novgorod and Ladoga in the Tale of Bygone Years. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheolog. izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii: istoriko-arkheologicheskij sbornik: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (2005 g.) [At the origins of Russian state: To the 30th anniversary of the archaeological study of the Novgorod Rurik's Settlement and the Novgorod regional archaeological expedition: Collected papers in history and archaeology: Proceedings of the International scientific conference (2005)]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 213–220. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 410 p.
- Khvoshchinskaya N.V., 2021. Fortifications of the Rurik's fortified settlement near Novgorod in the context of the latest archaeological research. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 33, pp. 107–120. (In Russ.)
- Kirpichnikov A.N., 1988. Ladoga and the Ladoga land of the 8th–13th centuries AD. *Istoriko-arkheologicheskoe izuchenie Drevney Rusi: itogi i osnovnye problemy [Historical and archaeological study of Rus: results and main problems]*. I.V. Dubov, ed. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 38–79. (Slavyano-russkie drevnosti, 1). (In Russ.)
- Konetskiy V.Ya., 2022. Rus' Novgorodskaya: pervye veka [Novgorod Rus: the first centuries]. St. Petersburg: Kriega. 400 p.
- Konstantin Bagryanorodnyy, 1991. Ob upravlenii imperiey [De Administrando Imperio]. Moscow: Nauka. 496 p.
- Kuza A.V., 1975. Novgorod land. *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv. [Principalities of Rus of the 10th–13th centuries AD]*. Moscow: Nauka, pp. 144–201. (In Russ.)
- Labutina I.K., Malysheva N.N., Zakurina T.Yu., Yakovleva E.A., Mikhaylov A.V., 2009. Rus necropolis of Pskov. *Arkheologicheskie otkrytiya 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya [Archaeological discoveries of 1991–2004. European Russia]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 386–407. (In Russ.)
- Lebedev G.S., 2005. Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi [The Viking Age in Northern Europe and Rus]. St. Petersburg: Evraziya. 640 p.

- Mel'nikova E.A.*, 2011. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: izbrannyye trudy [Rus and Scandinavia: Selected Works]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. 476 p.
- Musin A.E.*, 2020. Rurik's fortified settlement, Yaroslav's court and Veliky Novgorod. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 8, pp. 45–75. (In Russ.)
- Musin A.E., Tarabardina O.A.*, 2019. Scandinavians among the first settlers of Novgorod according to archaeological evidence. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]*, vol. 64, iss. 2, pp. 762–785. (In Russ.)
- Nosov E.N.*, 1990. Novgorodskoe (Ryurikovo) gorodishche [Novgorod (Rurik's) fortified settlement]. Leningrad: Nauka. 214 p.
- Nosov E.N.*, 1991. Archaeological sites of the upper Volkhov River and the Ilmen region at the end of the 1st millennium AD (catalogue of sites). *Materialy po arkheologii Novgorodskoy zemli [Materials on the archaeology of the Novgorod land]*, 1990. Moscow, pp. 5–37. (In Russ.)
- Nosov E.N., Khvoshchinskaya N.V., Medvedeva M.V.*, 2012. Novgorodskaya Rus': Rozhdenie derzhavy: Svidetel'stva iz glubiny stoletiy [Novgorod Rus: The birth of a state: Evidence from the depths of centuries]. St. Petersburg: Lik. 224 p.
- Nosov E.N., Plokhov A.V., Khvoshchinskaya N.V.*, 2017. Ryurikovo gorodishche: novye etapy issledovaniy [Rurik's fortified settlement: new stages of research]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 287 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [Novgorod first chronicle of the older and younger recensions]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 640 p.
- Oleynikov O.M.*, 2020. Reconstruction of the defensive structures of Novgorod in the 10th–12th centuries AD based on archaeological research. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver Land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 13. Tver', pp. 22–34. (In Russ.)
- Oleynikov O.M., Dolgikh A.V.*, 2017. New evidence for dating defensive fortifications near the Prechistenskaya tower of the Novgorod fortress. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology]*, 31. Velikiy Novgorod: Lyubavich, pp. 176–181. (In Russ.)
- Petrov M.I., Tarabardina O.A.*, 2017. Modeling of the territory of Novgorod in the 10th–14th centuries AD with GIS technologies (Electronic resource). *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 8. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. DVD. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V.*, 1992. Baltic-Finnish decorations of medieval Novgorod (10th–14th centuries AD). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology: Abstracts of reports of Scientific-practical conference]*. Novgorod, pp. 57–60. (In Russ.)
- Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years], 1. Tekst i perevod [The text and translation]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 405 p.
- Rybakov B.A.*, 1982. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Rus principalities of the 12th–13th centuries AD]. Moscow: Nauka. 590 p.
- Rybina E.A., Khvoshchinskaya N.V.*, 2010. The issue of Scandinavian finds from the excavations in Novgorod revisited. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova [Dialogue of cultures and peoples of medieval Europe: To the 60th anniversary of Yevgeny Nikolaevich Nosov]*. A.E. Musin, N.V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 66–78. (In Russ.)
- Shtender G.M.*, 1980. Introductory article. *Karger M.K. Novgorod [Novgorod]*. Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.)
- Stefanovich P.S.*, 2012. “The Legend of the summoning of the Varangians” or Origo gentis russorum?. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: materialy i issledovaniya [Earliest states of Eastern Europe: materials and research]*, 2010. *Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Prerequisites and ways of the formation of the Russian state]*. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, pp. 513–582. (In Russ.)
- Stepanov A.V.*, 2017. The Great Bridge – a site of underwater archaeological heritage. *Okhranyaetsya gosudarstvom [Protected by the state]*, 5, pp. 69–70. (In Russ.)
- Stepanov A.V., Stepanov M.A.*, 2020. Revealing the earliest Volkhov bridge. *Arkheologicheskie otkrytiya. 2018 god [Archaeological discoveries. 2018]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 50–54. (In Russ.)
- Troyanovskiy S.V.*, 1998. Some results of excavations in the Novgorod Kremlin. *Novgorod i Novgorodskaya Zemlya: Istoriya i arkheologiya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod and the Novgorod Land. History and archaeology: Proceedings of Scientific conference]*, 12. Novgorod, pp. 58–70. (In Russ.)
- Yakovleva E.A., Salmina E.V., Koroleva E.V.*, 2012. Pskov. Rus' v IX–X vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in the 9th–10th centuries AD: An archaeological panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 138–160. (In Russ.)
- Yanin V.L.*, 1965. Notes on Novgorod birchbark letters. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 104–123. (In Russ.)
- Yanin V.L.*, 1977. Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya. Srednevekovyy Novgorod [Studies in comprehensive source studies. Medieval Novgorod]. Moscow: Vysshaya shkola. 240 p.
- Yanin V.L.*, 1981. Novgorodskaya feodal'naya votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [Novgorod feudal patrimony (Historical and genealogical research)]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Yanin V.L.*, 2000. At the origins of Novgorod statehood. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk]*, vol. 70, no. 8, pp. 675–681. (In Russ.)
- Yanin V.L., Aleshkovskiy M.Kh.*, 1971. The origin of Novgorod (to the formulation of the problem). *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, 2, pp. 32–61. (In Russ.)